

ориентироваться на французскую (ср. примеч. 72).⁹⁷ Равно как и его соотечественники, Штелин демонстрирует в данном случае нормативное сознание, сложившееся в результате реформы немецкого стиха. В соответствии с такой точкой зрения, есть только один путь «цивилизовать» русский стих — полностью перенять немецкую систему. Для Ломоносова, который в 1730 г. выступает еще решительным приверженцем петровской культурной реформы,⁹⁸ это не составляет трудности — и его успех оправдывает выбор. Третьяковский, напротив, кажется неспособным следовать таким путем: это заставило бы его изменить своей новой концепции русской культуры.

Эта принципиальность дорого обошлась ему: стремлением отграничить новый стих от немецкого образца Третьяковский приобрел противников и себе, и своей реформе не только в лице Штелина, но, как можно думать, и среди других немцев Петербургской академии. Сколько бы ни оставался непроясненным вопрос о его переводческой практике 1736—1738 гг., в отношении его силлабической оды 1742 г. можно с уверенностью сказать: это возвращение к силлабике — полемический ответ на ту критику, с которой выступил Штелин и с которой могли выступить другие сторонники немецкой системы в адрес концепции Третьяковского. Чем больше призывают ориентироваться на немецкий образец, тем менее Третьяковский склонен поддаваться этому давлению. Его возврат к силлабике был чем-то вроде реакции русского патриота, ощущавшего потребность отстоять независимость своей национальной культуры против притязаний немецкого окружения.

Политические события, разыгравшиеся в начале 1740-х гг., утвердили Третьяковского в этой позиции. Воцарение императрицы Елизаветы произошло в накаленной атмосфере: национальная обида, которая с начала 1730-х гг. существовала в скрытой форме, теперь, спустя 10 лет, открыто проявилась и была направлена против покойной императрицы Анны и ее немецких фаворитов. От новой государыни ожидают освобождения от ощущавшегося всеми «господства иностранцев».⁹⁹ Появляется множество антинемецких статей, не обходится и без уличных беспорядков. Тем отчетливее проявляется намерение Третьяковского во имя «древнего нашего, но весьма основательного употребления», т. е. во имя национальной традиции, вернуться к силлабической поэзии наперекор безоговорочной ориентации Ломоносова на немецкую силлабо-тонику. Правда, русская силлабика первоначально была воспринята из-за границы (из Польши).

⁹⁷ Третьяковский В. К. Собр. соч. С. 111.

⁹⁸ Это явствует и из лингвистических взглядов этого периода — они соответствуют программе молодого Третьяковского с ее радикальной ориентацией на Западную Европу. Ср.: Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII—начала XIX века. С. 88.

⁹⁹ Об этом представлении, распространенном в русской историографии, см.: Анисимов Е. В. Россия без Петра. СПб., 1994. С. 424—479 (о так называемой биронщине). О беспорядках этого времени, направленных против немцев, ср.: Анисимов Е. В. Россия в середине XVIII века: Борьба за наследие Петра. М., 1986. С. 27.